

О СИМВОЛИКЕ ТЫКВЫ В СЛАВЯНСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ

Тыква – крупный шарообразный плод известной бахчевой культуры – наделяется богатой символикой у разных народов благодаря наличию в ней таких важных исходных утилитарных характеристик, как плодovitость, обилие семян, высокие питательные свойства, округлость, использование (в высушенном виде) в качестве легкого и прочного сосуда.

В традиционной культуре славянских народов спелая, наполненная зернами тыква символизирует материальный достаток и благополучие. На Новый год белорусы разбивали на пороге тыкву, чтобы «багата жылося». В Черногории аналогичный рождественский ритуал старались провести таким образом, чтобы семечки тыквы разлетелись в разные стороны дома. В Сербии невеста брала на венчание семена тыквы, чтобы у нее было много детей; в украинской традиции молодые ради счастливой будущей жизни съедали семечки тыквы, выросшей на одной ветке. Кроме того, «формой и величиной тыква уподобляется голове и в этом значении может определять как умного, так и глупого (пустого) человека», что подтверждается хорв. *tikva ti je šupla* (тыква твоя дырявая) ‘о глупце’ и *imati soli u tikvi* (иметь соль в тыкве) ‘о разумном человеке’ [18, с. 335–336].

В русских народных говорах слово *дурак* используется для обозначения некоторых сортов тыквы: *белый дурак* ‘белая крупная тыква’, *русский дурак* ‘небольшая красная тыква’ [СРНГ]. Сходные представления отражены и в болг. *тиква ми е зелена* ‘глупый’ [ФРБЕ]. Представление о пустой тыкве как воплощении глупости находит отражение в художественных текстах: *У кипчаков вместо голов на плечах пустые тыквы с длинными усами* (В. Ян. К последнему морю); *Голову, голову надо иметь на плечах, а не пустую тыкву!* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом). Сравн. также: серб. *празна тиква* (= пустая тыква) ‘неспособный, неумелый человек’ [FRHSJ]. Очевидную параллель для славянского языкового материала обнаруживаем и в китайском языке: *傻瓜* (*ша гуа*, букв. глупая тыква) ‘дурак, дурья башка’.

В отдельных случаях тыква осмыслялась как атрибут нечистой силы и воплощение греховности. Известны, в частности, древнерусские изображения беса в вывороченной наизнанку шубе с навешанными на нее тыквами [16, с. 261]. Негативная символика полой тыквы отчетливо выявляется в болгарском обычае наказания блудницы: «Сажали ее задом наперед на осла, бранили, поливали водой и били полой, высушенной тыквой» [17, с. 545]. В сербской похоронной обрядности пустую тыкву как сосуд для воды или вина клали в гроб больших грешников. В целом в народных верованиях сербов тыква осмыслялась как магический предмет –местилище нечистых душ и демонов болезней [10, с. 141–142].

Широко известно использование тыквы как ритуализованного предмета, надеваемого негативной (или, во всяком случае, «отгонной») символикой, в обряде сватовства в том случае, когда невеста (или ее родители) выражают отказ сватающимся. Сравн.: укр. *дати (підсунути, піднести) гарбуза* [ФСУМ], белорус. *атрымліваць гарбуз* [СФ], *даваць (даць) гарбуз* [СФ], рус. (диал.) *поднести гарбуз* [СРДГ], пол. *harbuza dostać* [НКРР], болг. (диал.) *дадоха ми тиква в ръка* ‘о женихе, получившем отказ невесты’ [ФРБЕ].

По мнению А. С. Аксамитова, внутренняя форма фраземы *даць гарбуза* может быть восстановлена либо через восприятие тыквы как чего-либо малоценного, не заслуживающего внимания [1, с. 25], либо с учетом актуализации ее округлости, шарообразности, т. е. демонстрируя тыкву, нежелательным сватам давали понять, чтобы они убирались, «катились» подобно тыкве [2, с. 82]. Высказывается также мнение, согласно которому в народной медицине тыкву советовали употреблять для снижения сексуального желания, поэтому вручение тыквы (белорус. гарбуза) при отказе от брачного предложения «прочитывалось» как рекомендация «остыть», успокоиться [5].

Вместе с тем есть основания считать, что тыква в данном случае является негативно осмысливаемым этнокультурным символом, истоки которого могут быть соотнесены с представлениями о внутренней форме других фразеологизмов той же семантики с именными компонентами, являющимися воплощением пустоты, «незаполненности»: рус. (диал.) *чайник прищепить* [СРДГ], *навязать котелок* [СРДГ]. Спелая тыква, будучи полой внутри, осмыслялась как знак невезения, «нежелательности» по аналогии с представлениями о встрече с человеком, несущим пустые ведра или другую пустую, ничем не наполненную посуду. Известны случаи, когда на белорусском Полесье «нежелательному» жениху вручали либо тыкву с вырезанной серединой, либо вареную (испеченную) тыкву, у которой, естественно, вырезалась мякоть и удалялись семена: «Калі

дзяўчына не хацела ісці замуж, клалі ў вазок звараны гарбуз» [11, с. 22]; *А як ны хочэ дівка, як откажэ, то вжэ кажуть, што гарбуза спыкла... А того гарбуза ніхто ні пык* [6, с. 267]; сравн. также укр. *печеного гарбуза піднести* ‘отказаться сватающемуся’ [ФСУМ].

Сказанное позволяет предположить, что исходной, наиболее архаичной формой выражения отказа сватающимся с помощью тыквы было вручение (или демонстрация) именно полой – с вырезанной серединой или испеченной (и потому также полой) – тыквы. В дальнейшем, в результате забвения первоначальных представлений, стали использовать «целую» тыкву, так как и в этом случае она воспринималась как полый предмет.

Наряду с предположением об актуализации «внутритыквенной пустоты» при ее использовании в качестве символа отказа сватающимся, может быть предложено иное понимание «логики» соответствующего обряда, основанное на восприятии тыквы как женского символа, относящегося к продуцирующей, детородной сфере. В таком случае тыква (при ее ритуальном употреблении) помещается в один логический ряд с вручаемым в случае отказа жениху гороховым венком – символом «нечестности», нецеломудренности невесты [7, с. 33–34], таким образом, не только в принципе исключает возможность сватовства, но и создает для потенциального жениха и его родственников постыдную, крайне унижительную ситуацию. Данное предположение обусловлено выразительной детородной символикой наполненной зернами тыквы, которая в ряде фольклорных сюжетов осмысливается (на основе метафорического уподобления по форме и содержанию) как материнское чрево [12, с. 211].

В связи с темой данной статьи особенно показателен пример, приведенный Павлом Шпилевским в рукописном «Словаре белорусского наречия» (1845): автор связывал оборот *гарбуза ўзяць* с «обычаем белорусцев» бросать в возок сватам разбитую тыкву при несогласии невесты на брачное предложение [4, с. 19]. Очевидно, что в данном случае разбивание тыквы имеет совершенно иной смысл, чем вышеописанные белорусский и черноморский ритуалы, символизирующие благополучие и материальный достаток хозяев дома: бросить в возок сватам разбитую тыкву являлось, скорее всего, выразительным намеком на реальную или воображаемую «разбитость» («нечестность») невесты и естественным образом «ставило крест» на сватовстве. Показательно, что эвфемистические выражения *тыква расколота* и *разломанная тыква* употребляются героями китайского эротического романа XVII века «Подстилка из плоти» (вероятный автор – Ли Юй). Вэйян, главный герой этого произведения, размышляя о достоинствах и недостатках будущей супруги, представленных ему в стихотворных пророчествах, размышляет: «Вот те на! В стихе говорится, что красота непременно влечет к разврату. Неужели девица порченная? А что, если *тыква*, как говорится, *расколота*? Не может быть! Это лишь начало стихотворения». В другом эпизоде собеседник Вэйяна сообщает ему, что его будущими клиентами по определенным причинам не могут быть «девы моложе двадцати, в том числе те, коих можно назвать *разломанной тыквой*».

Обращение к традиционной китайской культуре позволяет выявить (наряду с закономерными отличиями) ряд черт, типологически сходных со славянскими представлениями о тыкке. При этом следует говорить не о тыкке вообще, а об одной ее разновидности – тыкке-горлянке, напоминающей по форме восьмерку.

Китайское название этой тыквы (葫芦, *хулу*) созвучно с иероглифом (福祿, *фулу*), обозначающим счастье и жалование чиновника [15, с. 85], и это обстоятельство не могло не повлиять на формирование положительной символики, связанной с тыквой-горлянкой. Однако определяющими в данном случае являются представления об этом плоде как об аналоге материнского чрева: «Необычная форма тыквы-горлянки, как бы составленной из двух вкладывающихся друг в друга сфер, представала символом реальности как непосредственного продолжения тела ребенка в теле матери [9, с. 237]. Описывая хранящиеся в Эрмитаже традиционные китайские картинки любовно-эротического содержания, О. М. Городецкая замечает: «Полая выдолбленная горлянка (сосуд с перешвом) считалась природным аналогом женственного вместилища. Образ этот нередко встречается в китайской эротической живописи и литературе. Так, один из графических листов серии “Су Во пянь” называется “Союз инь и ян в райских глубинах тыквы-горлянки”» [3, с. 48–49]. Новорожденных в древнем Китае купали в тыкве-горлянке, из которой удаляли семена и мякоть, поскольку такие тыквы порой вырастают внушительных размеров [14].

В одном из китайских мифов, посвященных появлению первых людей после опустошительного потопа, речь идет о брате и сестре Фуси и Нюйва, ставших впоследствии супругами и положивших начало рождению людей в Поднебесной. Перед проливным дождем, приведшим к потопу, дети – мальчик и девочка – успели забраться в выросшую у них огромную тыкву-горлянку, а после резко прекратившегося наводнения они не пострадали: «Дети, сидевшие в тыкве-горлянке, остались в живых. Тыква была упругой, и, упав на землю, она только подпрыгнула несколько раз, но не разбилась. Брат и сестра выбрались из нее целыми и невредимыми. Во время потопа все люди на земле погибли. В живых остались только эти двое детей. У них не было имени, а так как они спаслись в тыкве-горлянке, их назвали Фуси. Фуси – это то же, что и Паоси, то есть “тыква-горлянка”. Мальчика назвали *братец-тыква*, а девочку – *сестрица-тыква*». Супруги Фуси и Нюйва, традиционно изображающиеся в виде мужской и женской фигур с переплетенными змеиными хвостами, почитаются в Китае как божества, возродившие человеческий род [8, с. 41–43].

Роль тыквы-горлянки как продуцирующего начала отражена и в мифе о волшебной собаке Пань-гу: из уха жены древнего правителя Гао Синьвана выскочил маленький золотистый червячок, которого женщина посадила в тыкву-горлянку и прикрыла блюдом. С течением времени в тыкве под блюдом появился Пань-гу (*пань* – блюдо, *гу* – тыква), принявший в дальнейшем человеческий облик, женившийся на княжне и ставший прародителем, первопредком всех китайцев [Там же, с. 31–32].

Тыква-горлянка является обязательным атрибутом одного из Восьми бессмертных (*ба сян*) – Ли Тегуая. Хромоногий Ли (Ли Железная Клюка), который «изображается высоким человеком с темным лицом, большими глазами, курчавой бородой и курчавыми волосами, схваченными железным обручем», постоянно носит в тыкве-горлянке чудесные снадобья [13, с. 498]. Именно в этом сосуде хранит эликсир бессмертия и Владчица запада – богиня Си Ванму, которая передала волшебный напиток пришедшему к ней стрелку Хоу И для того, чтобы он, выпив его вместе с женой Чан Э, обрел бессмертие [8, с. 157].

Приведенный материал (при очевидной его неполноте) иллюстрирует наличие в славянских и китайских традиционных представлениях не только специ-

фических этнокультурных явлений, но и целого ряда универсалий, связанных с отражением в языке и во внеязыковой действительности одного из фрагментов растительной символики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксамитов, А. С. Обряд и песня как источник образования фразеологических единиц белорусского языка / А. С. Аксамитов // Acta Balcano-Slavica. XVI. – Warszawa, 1984. – S. 21–31.
2. Аксамітаў, А. С. Аб некаторых асаблівасцях мовы беларускай вясельнай паэзіі / А. С. Аксамітаў // Studia z filologii polskiej i slowianskiej. Białorutenika. – Warszawa, 1995. – Т. 22. – S. 81–93.
3. Городецкая, О. М. «Весенние картинки» из собрания Эрмитажа / О. М. Городецкая // Китайский Эрос / под ред. А. И. Кобзева. – М. : OCR Палек, 1998. – С. 46–49.
4. Гуліцкі, М. Ф. Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (XIX – пачатак XX ст.) / М. Ф. Гуліцкі. – Мінск : Выш. шк., 1978. – 120 с.
5. Катовіч, А. Як правільна «даць гарбуза» / А. Катовіч, Я. Крук // Звезда. – 2005. – 25 чэрв.
6. Климчук, Ф. Д. Традиционная свадьба полесского села Симоновичи. Венки / Ф. Д. Климчук // Полесский этнолингвистический сборник : материалы и исследования. – М. : Наука, 1983. – С. 262–279.
7. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры : состав, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 196 с.
8. Кэ, Юань. Мифы древнего Китая : пер. с кит. / Юань Кэ ; послесл. Б. Л. Рифтина. – М. : Наука, 1987. – 527 с.
9. Малявин, В. В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени / В. В. Малявин. – М. : Дизайн. Информация. Картография : Астрель : АСТ, 2003. – 436 с.
10. Мршевић-Радовић, Д. Фразеологија и национална култура / Д. Мршевић-Радовић. – Београд : Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2008. – 248 с.
11. Палесскае вяселле / уклад. і рэд. В. А. Захаравай. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 303 с.
12. Пропт, В. Я. Фольклор и действительность : избр. ст. / В. Я. Пропт. – М. : Наука, 1976. – 324 с.
13. Рифтин, Б. Л. Ли Те-гуай / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. – М. : Восточ. лит., 2007. – Т. 2 : Мифология. Религия. – С. 498.
14. Сказки про тыкву [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.liveinternet.ru/community/camelot_club/post424161699. – Дата доступа: 12.12.2020.
15. Сомкина, Н. А. Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений / Н. А. Сомкина // Вестн. СПбГУ. Сер. 13. – 2009. – Вып. 2. – С. 77–86.
16. Толстой, Н. И. Каков облик дьявольский? / Н. И. Толстой // Язык и духовная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Индрик, 1995. – С. 250–269.
17. Толстой, Н. И. Грех / Н. И. Толстой // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 544–546.
18. Чёха, О. В. Тыква / О. В. Чёха // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2014. – Т. 5. – С. 335–337.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- СРДГ – Словарь русских донских говоров : в 2 т. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1991. – Т. 2. – 223 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сорокалетов. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – Вып. 8. – 369 с.
- СФ – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 679 с.
- ФРБЕ – Ничева, К. Фразеологичен речник на българския език (2 т.) / К. Ничева, С. Спасова-Михаилова, К. Чолакова. – София : Изд-во на Българ. акад. на науките, 1974. – Т. 1 : А–Н. – 759 с. ; Т. 2 : О–Я. – 779 с.
- ФСУМ – Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови : в 2 т. / Г. М. Удовиченко. – Київ : Вищ. шк., 1984. – Т. 1 : А–М. – 303 с.
- НКРР – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. – Warszawa : Panst. Inst. Wydaw., 1969. – Т. 1. – 881 s.